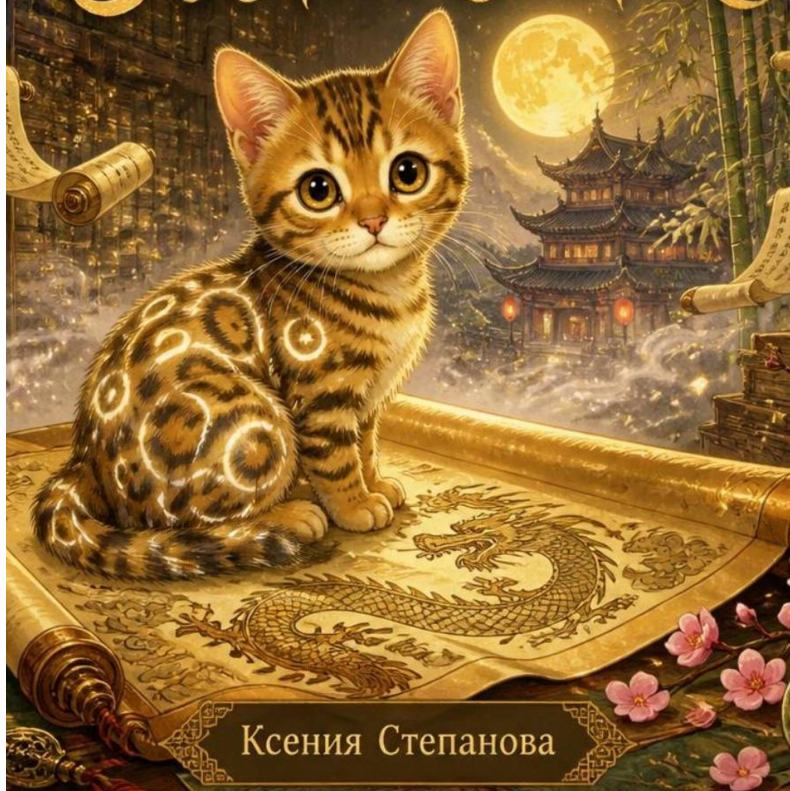

Ми-Ми и Золотой Свиток

Ксения Степанова

Ксения Степанова

Ми-Ми и Золотой Свиток

<https://litres.ru/74581023>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тысячу лет назад в Запретном городе Китая жила бенгальская кошка Ми-Ми. Пока братья спали на шёлковых подушках, она мечтала о приключениях. Однажды ночью в императорской библиотеке она нашла самый пыльный свиток, который открыл глаз и сказал: «Я ждал тебя». А потом Ми-Ми чихнула — и серебряный взрыв унёс её сквозь время.

На шумном рынке, без дома и братьев, она знакомится с мальчиком Ли, который понимает кошек. Чтобы вернуться, нужно сделать три добрых дела. Но доброта не считает, а дом — это не место, а те, кто помнит.

Тёплая сказка о дружбе, смелости и волшебных пятнах, меняющих цвет от чувств. Для детей 5–10 лет. Первая книга серии «Хроники бенгальских кошек».

Содержание

ПРОЛОГ. Легенда о первой кошке	4
Глава 1. Самая непослушная кошка Китая	7
Глава 2. Три священные кошки	13
Глава 3. Мышиная тревога	21
Глава 4. Библиотека, которая шепчет	30
Глава 5. Самый пыльный свиток	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ксения Степанова

Ми-Ми и Золотой Свиток

ПРОЛОГ. Легенда о первой кошке

Тысячу лет назад — а может, больше — когда Китаем правили драконы, а не люди, на берегу Жёлтой реки жила кошка.

Она была не простая. Шёрстка её была золотой, как пшеница. А по шёрстке — пятнышки. Тёмные. Как отпечатки драконьих пальцев.

Люди боялись её. Они думали: «Это дух. Это демон. Это что-то, что пришло за нами».

Но кошка не приходила ни за кем. Она просто **смотрела**. На реку. На луну. На людей. На то, как они живут. Как они боятся. Как они забывают.

Однажды к ней пришёл дракон. Большой. Золотой. С глазами, как два солнца. Он спустился с неба и сказал:

— **Ты — та, кто помнит. Ты — та, кто видит. Ты — та, кто будет хранить.**

Кошка посмотрела на него. Не испугалась. Не убежала. Она просто спросила:

— Что хранить?

— Память, — сказал дракон. — Память о том, что было. О том, что есть. О том, что будет. Люди забывают. Они всегда забывают. А кто-то должен помнить. Иначе — всё исчезнет. Исчезнет в тумане. В сером тумане. В Великом Забвении.

Кошка подумала. Потом сказала:

— **Я буду помнить. Но я — одна. А времени — много. А памяти — ещё больше.**

— Тогда, — сказал дракон, — я дам тебе свиток. Из моей чешуи. Из моего огня. Из моего сердца. Тот, кто коснётся его мокрым носом — увидит Реку Времени. Тот, кто прочитает его — найдёт путь. Тот, кто сделает три добра — вернётся домой.

Он протянул ей свиток. Маленький. Свернутый. Перевязанный золотой нитью. Кошка взяла его. Прижала к груди. И — **исчезла**. Растворилась в лунном свете. Как будто её и не было.

Но она **была**. Она всегда была. Потому что память — не исчезает. Память — живёт. В свитках. В луне. В кошках. В тех, кто **помнит**.

С тех пор прошла тысяча лет.

Свиток лежит в императорской библиотеке. Пылится. Ждёт. Спит.

А где-то — в Запретном городе, в шёлковой комнате, на мягкой подушке — живёт маленькая кошка. Золотая. С пятнышками. С глазами, как луна.

Она ещё не знает. Она ещё не видела. Она ещё не слышала.

Но свиток **знает**. Свиток **видит**. Свиток **ждёт**.

Потому что хранительница уже родилась.

И скоро — очень скоро — она **проснётся**.

Глава 1. Самая непослушная кошка Китая

Тысячу лет назад, когда в Китае правили императоры династии Сун, в самом сердце Запретного города, за девятью стенами и тремя рвами с водой, жила маленькая бенгальская кошка.

Её звали **Ми-Ми**.

У Ми-Ми была золотистая шерстка, мягкая, как свежесваренный рис. А по этой шерстке были разбросаны тёмные пятнышки. Если долго смотреть на них, можно было заметить, что каждое пятнышко похоже на отпечаток драконьего пальца. Но самое удивительное было не в шерсти. Самое удивительное было в глазах — янтарных, с зелёными искорками, которые вспыхивали, когда Ми-Ми что-нибудь придумывала.

А придумывала она **всегда**.

Вот и сейчас — глубокая ночь, весь Запретный город спит. Император спит на своей золотой кровати. Стражники спят стоя, прислонившись к копьям. Служанки спят, уткнувшись носами в шелковые подушки. Даже мыши в подвале спят, и им снится сыр.

Все спят.

Кроме одной маленькой кошки.

Ми-Ми лежала на бархатной подушке с кисточками — самой мягкой подушке во всём дворце. Рядом спали два её старших брата: **Большой Мур** и **Средний Мур**. Они были важные, пушистые и очень, очень сонные. Большой Мур посапывал так громко, что шторы колыхались. Средний Мур во сне подёргивал хвостом, как будто ловил рыбу.

А Ми-Ми не спала.

Она лежала, уставившись в потолок, где золотые драконы гонялись друг за другом по синим облакам.

— Скучно, — сказала Ми-Ми.

Она повернулась на один бок. Потом на другой. Потом на спину. Потом свесила голову с подушки.

— **Ужасно скучно**, — повторила она громче.

Большой Мур приоткрыл один глаз:

— Мммм... Ми-Ми... Спи. Завтра важный день. Император придёт смотреть наше искусство.

— Какое ещё искусство? — фыркнула Ми-Ми.

— Мы будем красиво спать на шёлке, — важно сказал Большой Мур. — Это искусство. Нас этому учили три года.

— Три года учиться **спать**?! — Ми-Ми вскочила на лапы. — Я не хочу спать! Я хочу приключений!

— Тсссс! — зашипел Средний Мур, не открывая глаз. — Разбудишь дворец. Император узнает — нас отправят на кухню.

Ми-Ми села и обвила хвостом лапки. На кухню ей не хотелось. На кухне пахло луком и мышами, а мыши там были

старые и неинтересные.

Она посмотрела в окно. В окне было видно луну — круглую, как золотой фонарик.

— А что там, за стеной? — спросила Ми-Ми.

— Ничего, — сказал Большой Мур. — Стена.

— А за стеной?

— Ещё стена.

— А за той стеной?

— Ми-Ми, — вздохнул Большой Мур, — там **рынок**. Там шумно, там пахнет рыбой и мокрыми людьми. Там нет подушек. Спи.

Ми-Ми надулась.

Она посмотрела на свои пятнышки. Иногда, если она очень сильно чего-то хотела, они становились чуть-чуть теплее. Вот и сейчас — пятнышко на левой лапке стало тёплым, как чашка чая.

— Интересно, — прошептала Ми-Ми. — А если я выйду погулять? Совсем чуть-чуть. На одну минуточку. Никто не заметит.

Она посмотрела на братьев. Большой Мур уже снова спал — и храпел так, что подушка подпрыгивала. Средний Мур тоже спал, и его хвост выписывал во сне иероглиф «рыба».

Ми-Ми встала. Потом села. Потом снова встала.

— Если я уйду, — сказала она сама себе, — кто-то же должен охранять библиотеку. Вдруг мыши? Вдруг мыши прямо сейчас грызут императорские свитки?

Она выглянула в коридор. В коридоре было темно. Горели только красные фонарики — они висели на крючках и показывались от сквозняка. От них на полу дрожали тени, похожие на больших усатых котов.

— Я только посмотрю, — сказала Ми-Ми. — Одну минутку. Туда и обратно.

Она сделала шаг.

Пол был холодный и гладкий — совсем не такой, как подушка. Лапки скользили. Ми-Ми прижалась к стене и пошла вдоль неё, как настоящий охотник.

Шаг. Шаг. Шаг.

Мимо прошёл стражник. Он зевнул так широко, что чуть не проглотил собственные усы. Ми-Ми замерла и стала совсем незаметной — как будто её и не было. Стражник прошёл мимо, бормоча:

— Спать... спать... когда же я буду спать...

Ми-Ми выдохнула и улыбнулась. **Получилось!**

Она прошла ещё немного и вдруг остановилась.

Перед ней была дверь. Большая. Резная. С двумя драконами по бокам. Из-под двери тянуло чем-то странным — не рыбой, не чаем, не лотосом. Чем-то **древним**. Как будто там, внутри, жило что-то очень старое. Старее дворца. Старее луны. Может быть, даже старее самого времени.

Ми-Ми наклонила голову.

На двери висела табличка с четырьмя иероглифами. Ми-Ми не умела читать, но ей казалось, что эти иероглифы **шеп-**

чут. Тихо-тихо. Как ветер в бамбуке.

Она приложила ухо к двери.

— *И-м-н-е-р-а-т-о-р-с-к-а-я... Б-и-б-л-и-о-т-е-к-а...*

Ми-Ми вздрогнула. Она никогда не слышала, чтобы двери говорили. Но она была не просто кошкой. Она была **любопытной** кошкой. А любопытные кошки, как известно, не боятся ничего — ну, почти ничего.

— Одну минуточку, — прошептала Ми-Ми и толкнула дверь лапой.

Дверь скрипнула.

И открылась.

За дверью было темно. Пахло пылью, старой бумагой и чем-то ещё... чем-то тёплым и живым. Как будто кто-то ждал Ми-Ми. Давно ждал.

Ми-Ми сделала шаг в темноту.

И в этот самый момент далеко-далеко, за тридевять земель и тысячу лет, в другой эпохе, один мальчик по имени Ли поднял голову и сказал:

— Странно. Мне показалось, что где-то мяукнула кошка. Но об этом мы узнаем позже.

А пока — маленькая бенгальская кошка с золотыми пятнышками стояла на пороге императорской библиотеки и не знала, что через мгновение её жизнь изменится навсегда.

Потому что где-то в темноте, на самой верхней полке, лежал самый пыльный свиток во всём Китае.

И он ждал.

Вопрос-почемучка:

Как ты думаешь, почему Ми-Ми не хотелось спать на самой мягкой подушке? А ты бы пошёл в тёмную комнату, если бы оттуда пахло чем-то древним и волшебным?

Глава 2. Три священные кошки

Утро в Запретном городе начиналось не с петухов. Петухи здесь были, но они боялись петь — вдруг император ещё спит? Поэтому утро начиналось с гонга. Один удар — и весь дворец просыпался: слуги бежали заваривать чай, стражники выпрямлялись, а кошки...

Кошки не просыпались. Кошки уже были awake. Но об этом чуть позже.

Большой Мур потянулся. Потянулся так, как умеют только очень важные кошки: сначала передние лапы вперёд, потом задние назад, потом спина дугой, потом хвост трубой. Он зевнул — широко, с достоинством — и огляделся.

Подушка была на месте. Кисточки на месте. Шёлк на месте.

А Ми-Ми — **не на месте**.

Большой Мур моргнул. Потом моргнул ещё раз. Потом ткнул лапой Среднего Мура.

— Мур. Проснись. Ми-Ми пропала.

Средний Мур приоткрыл один глаз. Потом второй. Потом оба сразу.

— Как пропала? Куда пропала? Когда пропала?

— Ночью, — сказал Большой Мур. — Я спал. Ты спал. Все спали. А она — не спала.

Средний Мур сел и почесал за ухом.

— Опять, — сказал он мрачно. — Опять она куда-то убежала. В прошлый раз она застряла в корзине с бельём. Потом — в чане с рисом. Потом — в императорской шляпе.

— В шляпе ей понравилось, — вспомнил Большой Мур. — Она сидела там и говорила, что она — император.

— А потом её чуть не отнесли на кухню! — рявкнул Средний Мур. — Вместе со шляпой!

Братья переглянулись.

Большой Мур был большой. Он был старшим. Ему было три года, и он знал всё — ну, почти всё. Он знал, что коты должны спать на шёлке. Он знал, что мыши должны бояться. Он знал, что император любит, когда кошки красиво лежат на солнце. Он знал это, потому что их учили этому три года. Целых три года!

Средний Мур был средним. Ему было два с половиной. Он был пушистый, как облако, и ленивый, как облако в жаркий день. Он умел спать в любой позе — даже стоя. Даже с открытыми глазами. Даже когда вокруг бегали слуги и кричали: «Пожар! Пожар!» (Однажды был пожар. Средний Мур проспал его.)

А Ми-Ми... Ми-Ми была младшей. Ей было два. И она **не умела спать**. Совсем. Никак. Она умела бегать, прыгать, лазать, прятаться, воровать рыбу со стола, сидеть на подоконнике и смотреть на луну. Но спать — нет. Это искусство ей не давалось.

— Она не понимает, — вздохнул Большой Мур. — Она

не понимает, кто мы.

— А кто мы? — спросил Средний Мур.

— Мы — **три священные кошки**, — торжественно сказал Большой Мур. — Мы — хранители императорской библиотеки. Мы — потомки великих бенгальских кошек, которые служили императорам ещё тысячу лет назад. Мы — не просто коты. Мы — **легенда**.

— Ага, — сказал Средний Мур. — А Ми-Ми — легенда, которая вчера стащила куриную лапку с императорского стола.

— Это другое! — фыркнул Большой Мур. — Это... это... она ещё маленькая.

Он посмотрел на пустую подушку. На ней осталась вмятина от Ми-Ми — маленькая, круглая, с отпечатком хвоста.

— Мы должны её найти, — сказал Большой Мур. — Пока император не проснулся. Пока слуги не заметили. Пока...

— Пока она не сломала что-нибудь, — закончил Средний Мур.

Братья встали. Это было нелегко — сначала пришлось потянуться ещё раз, потом зевнуть, потом почесать за ушами. Но наконец они выбрались из своих подушек и пошли по коридору.

Коридор был длинный. Очень длинный. Он тянулся через весь дворец — мимо кухни, где пахло рыбой, мимо комнаты с зонтиками, где пахло пылью, мимо тронного зала, где пахло величием и старыми циновками.

Большой Мур шёл важно. Он поднимал лапы высоко, как императорский генерал. Средний Мур шёл лениво. Он оставался каждые пять шагов и смотрел в окно.

— Мур, — сказал Большой Мур. — Соберись. Мы ищем Ми-Ми.

— Я собираюсь, — сказал Средний Мур. — Я просто... наслаждаюсь видом.

В окне был виден сад. В саду росли персиковые деревья. Под деревьями спал садовник. На садовнике спал кот. Кот был не из их семьи — обычный, уличный. Но спал он красиво. С достоинством.

— Вот, — сказал Средний Мур. — Смотри. Он спит. Как мы. Как надо. А Ми-Ми — не спит. Она — неправильная кошка.

— Она не неправильная, — тихо сказал Большой Мур. — Она просто... другая.

— Другая, — согласился Средний Мур. — Другая, которая украли куриную лапку.

Они прошли ещё немного. И тут Большой Мур остановился.

— Смотри, — сказал он. — Следы.

На полу, в пыли, были маленькие отпечатки лапок. Они вели вперёд — мимо кухни, мимо зонтиков, мимо тронного зала. Они вели к большой резной двери с двумя драконами.

— Она там, — прошептал Средний Мур. — В библиотеке.

— В библиотеке? — Большой Мур нахмурился. — Но

туда нельзя. Туда можно только нам. Только **священным кошкам**. Мы охраняем её. Мы — стражи.

— А Ми-Ми — не страж, — сказал Средний Мур. — Она — вор.

— Она не вор! — Большой Мур топнул лапой. — Она — наша сестра!

Они подошли к двери. Дверь была приоткрыта — совсем чуть-чуть. Из щели тянуло пылью, старой бумагой и чем-то ещё... чем-то тёплым. Как будто кто-то ждал.

Большой Мур принялся.

— Она там, — сказал он. — Я чувствую её запах. И ещё... что-то. Что-то древнее.

— Древнее? — Средний Мур попятился. — Мне не нравится древнее. Древнее — это пыль. Пыль — это чихание. Я не люблю чихать.

— Надо войти, — сказал Большой Мур.

— Надо позвать императора, — сказал Средний Мур.

— Император спит.

— Тогда надо позвать стражника.

— Стражник спит.

— Тогда надо позвать **кого-нибудь!**

Большой Мур посмотрел на брата. Потом на дверь. Потом на свои лапы — большие, сильные, важные.

— Мы — священные кошки, — сказал он тихо. — Мы не боимся. Мы — хранители.

Он толкнул дверь.

Дверь скрипнула.

И братья шагнули в темноту.

Внутри было темно. Так темно, что даже кошачьи глаза не сразу привыкли. Пахло пылью и бумагой. Где-то капала вода — *кап, кап, кап*. Где-то шелестели страницы — *ииии, ииии, ииии*. Как будто свитки переговаривались друг с другом.

— Ми-Ми? — позвал Большой Мур. — Ми-Ми, ты здесь? Тишина.

— Ми-Ми! — позвал Средний Мур. — Если ты не выйдешь, я расскажу императору про куриную лапку!

Тишина.

И вдруг — откуда-то сверху, с самой верхней полки — раздался тоненький голосок:

— **Тсссс!** Вы мне мешаете!

Братья подняли головы.

На самой верхней полке, среди самых старых свитков, сидела Ми-Ми. Её золотистая шёрстка светила в темноте, как маленькое солнышко. А пятнышки... пятнышки были **серебристыми**.

— Ми-Ми! — ахнул Большой Мур. — Твои пятна! Они...

— Я знаю, — прошептала Ми-Ми. — Они стали такими, когда я вошла. Тут что-то есть. Что-то... волшебное.

Она посмотрела вниз, на братьев. Глаза у неё были круглые, как луна.

— Мальчики, — сказала она. — Кажется, я нашла **при-**

ключение.

Средний Мур вздохнул.

— Мы в библиотеке, — сказал он. — Какое тут может быть приключение? Тут только пыль и скука.

Ми-Ми улыбнулась. И в этот момент где-то в темноте — глубоко-глубоко, на самой дальней полке — что-то **шевелилось.**

Что-то очень старое.

Что-то очень пыльное.

Что-то, что ждало очень, очень долго.

— Приключение, — повторила Ми-Ми. — Начинается.

Вопрос-почемучка:

Как ты думаешь, почему Большой Мур и Средний Мур так гордятся тем, что они — священные кошки? А почему Ми-Ми это казалось скучным? Бывает ли так, что важное дело кажется скучным, пока не начнёшь его делать?

Глава 3. Мышиная тревога

Ми-Ми сидела на самой верхней полке и смотрела вниз. Внизу стояли её братья — Большой Мур и Средний Мур — и смотрели вверх. Все трое молчали.

Первым молчание нарушил Средний Мур.

— Слезай, — сказал он. — Немедленно.

— Не слезу, — сказала Ми-Ми.

— Слезай, — повторил Средний Мур. — Это библиотека. Тут нельзя сидеть на свитках.

— Я не на свитках, — сказала Ми-Ми. — Я на полке. Между свитками.

— Это ещё хуже! — Средний Мур всплеснул лапами. — Ты между ними! Ты как мышь!

Ми-Ми фыркнула. Она не любила, когда её сравнивали с мышью.

— Я не мышь, — сказала она. — Я — кошка. А кошки могут сидеть где хотят.

— Кошки могут сидеть где хотят, — важно сказал Большой Мур, — но **священные** кошки сидят только на шёлке. Или на подушках. Или на подоконнике в тронном зале — там солнце.

— Я не хочу на солнце, — сказала Ми-Ми. — Я хочу приключений.

— Приключений не бывает в библиотеке, — сказал Сред-

ний Мур.

И тут что-то произошло.

Где-то в темноте — глубоко-глубоко, между полками, между свитками, между пылью и тишиной — раздался звук.

Тонкий. Быстрый. Царапающий.

Шкряб-шкряб-шкряб.

Большой Мур замер. Средний Мур замер. Даже Ми-Ми замерла — и её серебристые пятнышки стали чуть-чуть ярче.

— Что это? — прошептал Средний Мур.

— Тссс, — сказал Большой Мур.

Шкряб-шкряб-шкряб.

Звук повторился. Он шёл откуда-то справа — из самого дальнего угла библиотеки, куда даже свет фонариков не добирался.

— Это... — начал Средний Мур.

— Мыши, — закончил Большой Мур. Голос у него был очень серьёзный.

Ми-Ми свесилась с полки — так низко, что чуть не упала.

— Мыши? — переспросила она. — Настоящие?

— Настоящие, — кивнул Большой Мур. — Они приходят каждую ночь. Грызут свитки. Грызут императорские указы. Грызут карты. Грызут всё, что находят.

— А вы? — спросила Ми-Ми. — Что делаете вы?

Братья переглянулись.

— Мы... — начал Большой Мур. — Мы... охраняем.

— Как?

— Мы спим рядом, — сказал Средний Мур. — Мы спим так громко, что мыши пугаются и убегают.

— Правда? — Ми-Ми прищурилась. — И они убегают?

— Ну... — Большой Мур посмотрел в сторону. — Иногда. Иногда — не сразу.

— А иногда — совсем не убегают, — признался Средний Мур. — Они привыкли. Они теперь не боятся храпа. Они говорят: «Это Большой Мур. Он просто спит. Не бойтесь».

Ми-Ми ахнула.

— Мыши **говорят**?

— Мыши говорят всё, что хотят, — вздохнул Большой Мур. — Они наглые. Они грызут свиток за свитком. А мы ничего не можем сделать. Потому что мы — священные кошки. Мы не ловим мышей. Мы — **красиво лежим**.

Он сказал это с гордостью. Но в голосе у него было что-то ещё. Что-то грустное.

Ми-Ми посмотрела на братьев. Потом на тёмный угол. Потом снова на братьев.

Шкряб-шкряб-шкряб.

Звук стал громче. Теперь было слышно не только шкрябанье, но и тоненькие голоски:

— *Грызи-грызи-грызи... Вкусная бумага... Старая бумага... Императорская бумага...*

Ми-Ми почувствовала, как её пятнышки стали тёплыми. Не серебристыми — **золотыми**. Тёплыми и золотыми.

Она посмотрела на свои лапки. Они больше не дрожали.

— Я пойду, — сказала она.

— Куда? — спросил Большой Мур.

— Туда. К мышам.

— Ты с ума сошла! — Средний Мур подпрыгнул. — Ты же маленькая! Ты же младшая! Ты не умеешь ловить мышей!

— А вы умеете? — спросила Ми-Ми.

Средний Мур замолчал.

Большой Мур замолчал.

— Вот именно, — сказала Ми-Ми. — Никто не умеет. Но кто-то должен.

Она спрыгнула с полки. Приземлилась на все четыре лапы — мягко, тихо, как настоящий охотник. Хвост у неё вытянулся, уши прижались, глаза сузились.

— Ми-Ми, — тихо сказал Большой Мур. — Подожди. Мы пойдём с тобой.

— Вы? — Ми-Ми обернулась.

— Мы — твои братья, — сказал Большой Мур. — Мы не умеем ловить мышей. Но мы умеем... мы умеем быть рядом.

Средний Мур кивнул. Правда, он при этом дрожал. Но кивнул.

Ми-Ми улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда идёмте. Только тихо.

Они пошли в темноту. Втроём. Большой Мур — впереди, потому что он был большой. Средний Мур — посередине, потому что он боялся идти сзади. Ми-Ми — замыкающей,

потому что она была храбрая.

Вокруг них шелестели свитки. *Шиии, ииии, ииии*. Как будто они шептали: «*Смелее, смелее, смелее...*»

Шкряб-шкряб-шкряб.

Звук стал совсем близко. За последней полкой. В самом тёмном углу, где даже пыль боялась лежать.

Ми-Ми остановилась. Принюхалась.

Пахло мышами. Тёплыми, сытыми, наглыми мышами.

Она заглянула за полку.

И увидела **их**.

Их было пятеро. Пять серых мышей. Они сидели кружком и грызли большой свиток — тот самый, с драконьим узором, с императорской печатью, с чем-то очень важным.

— *Грызи-грызи-грызи...* — бормотали мыши. — *Вкусно... вкусно...*

Ми-Ми сделала шаг вперёд.

— **Стойте!** — сказала она.

Мыши обернулись.

Пять пар маленьких чёрных глаз уставились на неё.

— Ой, — сказала первая мышь. — Кошка.

— Маленькая, — сказала вторая.

— Худая, — сказала третья.

— И пятнистая, — сказала четвёртая.

— Не страшная, — сказала пятая.

И они все вместе засмеялись. Тоненько, пискляво, обидно.

Ми-Ми нахмурилась.

— Это не ваша бумага, — сказала она. — Это императорская бумага. Положите.

— А ты кто такая? — спросила первая мышь.

— Я — Ми-Ми, — сказала Ми-Ми. — Я — кошка.

— Ты — маленькая, — сказала вторая мышь.

— Я — храбрая, — сказала Ми-Ми.

— Ты — одна, — сказала третья мышь.

Ми-Ми обернулась. За ней стояли Большой Мур и Средний Мур. Большой Мур дрожал. Средний Мур дрожал ещё сильнее.

— Нас трое, — сказала Ми-Ми.

Мыши переглянулись.

— Трое? — Первая мышь посмотрела на Большого Мура.

— Этот большой, но он спит.

— Этот пушистый, но он тоже спит, — сказала вторая, глядя на Среднего Мура.

— А эта — маленькая, — сказала третья. — И пятнистая. Она не умеет ловить.

Мыши засмеялись снова.

И тут Ми-Ми сделала то, чего сама от себя не ожидала.

Она зарычала.

Не громко. Не страшно. Совсем тихо. Но это был настоящий рык — глубокий, гортанный, как у маленького тигра. Её пятнышки вспыхнули золотым — ярко-ярко, как маленькое солнце. Шерсть встала дыбом. Хвост распушился вдвое.

Глаза загорелись зелёным огнём.

— **Я. Сказала. Положите**, — повторила она.

Мыши замерли.

Первая мышь посмотрела на пятнышки. Вторая — на глаза. Третья — на хвост. Четвёртая — на зубы. Пятая... пятая уже бежала.

— **Кошка!** — пискнула она. — Настоящая кошка! Бежим!

И мыши бросились врассыпную. Они пронеслись мимо Большого Мура, мимо Среднего Мура, мимо полок, мимо свитков, мимо фонариков — и исчезли в щели под дверью.

Библиотека затихла.

Большой Мур сидел на полу и смотрел на Ми-Ми. Глаза у него были круглые, как два блюдца.

— Ты... — сказал он. — Ты... зарычала.

— Ага, — сказала Ми-Ми. Она сама не верила.

— Как тигр, — сказал Средний Мур. — Как настоящий тигр.

— Ага, — сказала Ми-Ми.

— У тебя пятна светились, — сказал Большой Мур. — Золотом.

— Ага, — сказала Ми-Ми. Она посмотрела на лапку. Пятнышки уже остыли. Но одно — на левой передней — осталось тёплым. Как чашка чая.

Средний Мур подошёл и ткнулся носом ей в бок.

— Ты храбрая, — сказал он. — Ты самая храбрая кошка,

которую я знаю.

— Ты знаешь только нас, — сказала Ми-Ми.

— Всё равно, — сказал Средний Мур. — Ты храбрая.

Большой Мур подошёл и сел рядом. Он ничего не сказал. Он просто сидел. И это было лучше любых слов.

А потом Ми-Ми посмотрела на свиток — тот самый, который грызли мыши. Он лежал на полу, помятый, с отпечатками маленьких зубов.

Она подошла и тронула его лапой.

Свиток был тёплый.

И на нём — прямо там, где мыши прогрызли дырку — было видно что-то. Какие-то знаки. Какие-то иероглифы. Что-то очень старое.

— Мальчики, — позвала Ми-Ми. — Идите сюда. Кажется, я нашла что-то.

Братья подошли.

Все трое склонились над свитком.

И в этот момент — глубоко-глубоко, в самой темноте библиотеки, на самой дальней полке — что-то **шевелинулось**.

Что-то очень старое.

Что-то очень пыльное.

Что-то, что ждало очень, очень долго.

Ми-Ми подняла голову.

— Вы слышали? — спросила она.

— Нет, — сказал Большой Мур.

— Нет, — сказал Средний Мур.

— А я слышала, — сказала Ми-Ми.

Она посмотрела в темноту. В темноте было тихо. Но где-то там — на самой верхней полке, за самыми старыми свитками — лежал **он**. Тот, который ждал.

Самый пыльный свиток во всём Китае.

И он ждал.

Вопрос-почемучка:

Как ты думаешь, почему мыши не испугались Большого Мура и Среднего Мура, но испугались маленькой Ми-Ми? Что значит быть храбрым — быть большим или быть смелым? А ты когда-нибудь делал что-то смелое, хотя тебе было страшно?

Глава 4. Библиотека, которая шепчет

Ночь становилась глубже. За окнами библиотеки луна поднялась выше — и её свет, белый и серебряный, начал потихоньку заливать полки. Сначала самые верхние. Потом средние. Потом он добрался до пола и растёкся по нему, как молоко из опрокинутой чашки.

Ми-Ми стояла посреди этого света и слушала.

Сначала ей показалось, что в библиотеке тихо. Совсем тихо. Тише, чем во дворце. Тише, чем в саду. Тише, чем в её собственной голове, когда она пыталась заснуть.

Но потом она прислушалась.

И поняла: **тишина здесь не настоящая.**

Потому что под тишиной — *beneath the silence* — что-то было. Что-то шептало. Не громко. Не страшно. Тихо-тихо, как бабушка, которая рассказывает сказку перед сном.

Ми-Ми повернула уши.

— *Шииии...* — шелестело слева.

— *Шииии...* — шелестело справа.

— *Шииии...* — шелестело сверху, снизу, отовсюду.

— Мальчики, — прошептала Ми-Ми. — Вы слышите?

Большой Мур приподнял одно ухо. Потом второе. Потом покачал головой:

— Нет. Только ветер.

— Это не ветер, — сказала Ми-Ми.

— Это сквозняк, — сказал Средний Мур. — В библиотеках всегда сквозняк. Сквозняк, пыль и скука.

— Это **не сквозняк**, — повторила Ми-Ми.

Она сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Потом ещё.

И с каждым шагом шёпот становился громче. Разборчивее. Он больше не был просто *шшшшш*. В нём появились **слова**.

— *Добро пожаловать...* — шептали свитки слева.

— *Мы ждали...* — шептали свитки справа.

— *Ты пришла...* — шептали свитки сверху.

Ми-Ми остановилась. Сердце у неё билось быстро-быстро. Но не от страха. От чего-то другого. От чего-то, что было похоже на... радость?

Она посмотрела на ближайшую полку. На ней лежали свитки — свёрнутые в трубочки, перевязанные красными лентами. Обычные свитки. Старые. Пыльные. Молчаливые.

Но когда Ми-Ми посмотрела на них — **один свиток шевельнулся**.

Совсем чуть-чуть. Как будто от ветра. Но ветра не было.

— Ой, — сказала Ми-Ми.

— Что? — спросил Большой Мур.

— Он... он двигается.

— Кто?

— Свиток.

Большой Мур подошёл и посмотрел. Свиток лежал смирно. Как все свитки. Как будто он никогда в жизни не двигался.

— Ми-Ми, — сказал Большой Мур. — Свитки не двигаются. Свитки — это бумага. Бумага не живая.

— А эта — живая, — сказала Ми-Ми.

Она протянула лапку и коснулась свитка.

И свиток **вздохнул**.

Тихо-тихо. Как старый дедушка, которого разбудили среди ночи.

— Ах... — сказал свиток. — *Кто это? Кто меня трогает?*

Ми-Ми отпрыгнула.

— Он говорит! — пискнула она.

— Кто говорит? — спросил Средний Мур.

— Свиток!

— Свитки не говорят, — сказал Средний Мур. — Свитки

— это бумага. Бумага не...

— *Бумага*, — перебил его свиток. — *Бумага, бумага, бумага. Все думают, что мы просто бумага. А мы — не просто бумага. Мы — история. Мы — память. Мы — голоса тех, кто жил до вас.*

Средний Мур замолчал. Глаза у него стали круглые.

— Ой, — сказал он.

— Ой, — сказал Большой Мур.

— Я же говорила, — сказала Ми-Ми.

Она снова подошла к свитку. Теперь она не боялась. Теперь ей было... интересно.

— А вы все говорите? — спросила она.

— *Все*, — сказал свиток. — *Но не все — вслух. Некоторые шепчут. Некоторые поют. Некоторые плачут. Некоторые молчат. Но все — помнят.*

— А что вы помните? — спросила Ми-Ми.

— *Всё*, — сказал свиток. — *Всё, что было. Всё, что будет. Всё, что могло бы быть. Мы помним императоров и нищих. Мы помним войны и праздники. Мы помним, как смеялись дети и как плакали матери. Мы помним...*

Свиток замолчал.

— Что? — спросила Ми-Ми. — Что вы помните?

— *Мы помним кошек*, — сказал свиток тихо. — *Великих*

кошек. Кошек, которые умели ходить сквозь время. Кошек с пятнами, как у тебя.

Ми-Ми вздрогнула.

— Как у меня? — переспросила она.

— Да, — сказал свиток. — Ты — одна из них. Ты — бен-гальская кошка. Ты — хранительница.

— Хранительница чего?

— Времени, — сказал свиток. — Памяти. Того, что нельзя забыть.

Ми-Ми посмотрела на свои лапки. Пятнышки на них снова стали тёплыми. И — она заметила — **серебристыми**. Как луна за окном.

— Но я не умею, — сказала она. — Я не умею ходить сквозь время. Я не умею хранить память. Я даже не умею спать на подушке, как мои братья.

Свиток засмеялся. Тихо, шелестяще.

— Никто не умеет сначала, — сказал он. — Всему нужно учиться. Даже хранителям. Даже кошкам. Даже тебе.

— А кто меня научит? — спросила Ми-Ми.

Свиток помолчал.

А потом — очень тихо — сказал:

— Он. Тот, кто ждёт.

— Кто ждёт?

— Самый старый, — сказал свиток. — Самый пыльный. Самый важный. Он лежит на самой верхней полке. Он ждал тебя очень, очень долго. Он...

Свиток вдруг замолчал. И больше не сказал ничего.

— Эй! — Ми-Ми ткнула его лапой. — Эй! Проснитесь!

Кто ждёт? Что ждёт?

Но свиток молчал. Он снова стал просто бумагой. Просто старой, пыльной, свёрнутой бумагой.

Ми-Ми обернулась к братьям.

— Вы слышали? — спросила она.

— Слышали, — сказал Большой Мур. Голос у него был серьёзный.

— Слышали, — сказал Средний Мур. Голос у него дрожал.

— Он сказал: «Самый старый. Самый пыльный. На самой верхней полке».

Братья посмотрели вверх.

Вверх — туда, где полки уходили под самый потолок. Туда, где было темно. Туда, где даже луна не доставала. Туда, где пыль лежала толстым-толстым слоем.

— Я туда не полезу, — сказал Средний Мур.

— Я тоже, — сказал Большой Мур.

— А я полезу, — сказала Ми-Ми.

Она посмотрела на братьев. Потом на полки. Потом снова на братьев.

— Вы можете остаться, — сказала она. — Правда. Я пойду одна.

— Нет, — сказал Большой Мур. — Мы пойдём с тобой.

— Но я боюсь, — сказал Средний Мур.

— Я тоже боюсь, — сказал Большой Мур. — Но мы — священные кошки. Мы — братья. Мы не оставим её одну.

Средний Мур вздохнул. Потом кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Но если там мыши — я убегаю.

— Там не мыши, — сказала Ми-Ми. — Там что-то другое.

Она подошла к полке. К самой нижней. Потом прыгнула на следующую. Потом на следующую. Потом ещё. И ещё. И ещё.

Большой Мур полез за ней. Средний Мур полез за Большим Муром. Они лезли вверх — выше, выше, выше — мимо свитков, мимо лент, мимо пыли, мимо теней.

А шёпот становился всё громче.

— *Выше...* — шептали свитки. — *Выше...*

— *Ближе...* — шептали они. — *Ближе...*

— *Он ждёт...* — шептали они. — *Он ждёт...*

И наконец — на самой верхней полке, в самом тёмном углу, за самыми старыми свитками — Ми-Ми увидела **его**.

Он лежал один. Совсем один. Свернутый в тугую трубочку. Перевязанный не красной лентой, а золотой нитью. Покрытый пылью так густо, что казался серым. Но под пылью — Ми-Ми видела — что-то блестело. Что-то золотое. Что-то живое.

На нём был узор. Чешуйчатый узор. Как чешуя дракона.

— Это он, — прошептала Ми-Ми.

— Кто? — спросил Большой Мур.

— Самый пыльный свиток, — сказала Ми-Ми. — Самый

старый. Самый важный.

Она протянула лапку.

И в этот момент свиток **открыл глаз.**

Ми-Ми замерла. Лапка повисла в воздухе.

Глаз был золотой. С вертикальным зрачком. Как у кошки.

Как у дракона. Как у кого-то очень, очень древнего.

— *Наконец-то,* — сказал свиток. — *Я ждал тебя, Ми-Ми.*

Вопрос-почемучка:

Как ты думаешь, почему свитки в библиотеке умеют говорить? Что значит «помнить» — и почему это так важно? А если бы ты мог поговорить со старым свитком, что бы ты у него спросил?

Глава 5. Самый пыльный свиток

Ми-Ми замерла. Лапка так и висела в воздухе — не дотянулась до свитка. Глаза у неё стали круглые, как две луны.

— Ты... ты умеешь говорить? — прошептала она.

— Конечно, умею, — сказал свиток. — *Я умею всё. Я — самый старый свиток во всём Китае. Может быть, во всём мире. Я помню времена, когда не было ни императоров, ни дворцов, ни чая. Только реки, горы и драконы.*

— Драконы? — переспросил Большой Мур. Он выглядел из-за плеча Ми-Ми, и уши у него дрожали.

— Драконы, — повторил свиток. — *Настоящие. С чешуёй, с когтями, с глазами, как у меня.*

Ми-Ми посмотрела на глаз. Золотой. С вертикальным зрачком. Она видела такие глаза только на картинках в тронном зале — там, где были нарисованы императорские драконы.

— А ты... ты тоже дракон? — спросила она.

Свиток засмеялся. Тихо-тихо, шелестяще.

— Нет, — сказал он. — *Я — не дракон. Я — свиток. Но я сделан из кожи дракона. Точнее — из чешуи. Точнее — из одной-единственной чешуйки, которую дракон подарил первому императору. Давно. Очень давно.*

— А зачем? — спросила Ми-Ми.

— *Чтобы записать на ней самое важное,* — сказал сви-

ток. — *Самое главное. То, что нельзя забыть.*

Ми-Ми посмотрела на свиток внимательнее. Он был весь покрыт пылью — серой, толстой, пушистой. Пыль лежала на нём, как одеяло. Но под пылью — Ми-Ми видела — что-то блестело. Что-то золотое. Что-то живое. А по краю свитка вился узор — чешуйчатый, как у дракона на потолке тронного зала.

— А что там написано? — спросила Ми-Ми.

— *А ты умеешь читать?* — спросил свиток.

— Нет, — призналась Ми-Ми. — Я умею ловить мышей. Ну, почти. Я умею рычать. Я умею сидеть на подоконнике. Но читать — не умею.

— *Жаль, —* сказал свиток. — *Потому что там написано очень важное. Там написано: «Три добра».*

— Три добра? — Ми-Ми наклонила голову. — Что это значит?

— *Это значит, —* сказал свиток, — *что тот, кто хочет вернуться домой, должен сделать три добрых дела. Три. Не два. Не четыре. Ровно три.*

— Вернуться домой? — Ми-Ми моргнула. — А кто хочет вернуться домой? Я и так дома. Я в библиотеке. Мой дом — дворец. Мой дом — подушка. Мой дом — рядом с братьями.

— *Сейчас — да, —* сказал свиток. — *Но это ненадолго.*

— Почему? — спросила Ми-Ми. Голос у неё стал чуть-чуть тоньше.

Свиток помолчал. Потом вздохнул. Тяжело-тяжело, как

старый дедушка.

— *Потому что,* — сказал он, — *ты — не обычная кошка. Ты — бенгальская. Ты — хранительница. И однажды — очень скоро — тебя позовут. Позовут туда, где нужна помощь. И ты пойдёшь. Потому что не сможешь не пойти.*

— Куда позовут? — прошептала Ми-Ми.

— *Туда,* — сказал свиток. — *В другое время. В другую эпоху. К другим людям. К другим кошкам. Ты будешь путешествовать. Ты будешь помогать. Ты будешь учиться. И ты будешь делать добро. Три добрых дела. А потом вернёшься. Но вернёшься уже другой.*

Ми-Ми молчала. Внутри у неё что-то шевельнулось — большое, тёплое, немного страшное. Как будто она проглотила солнце, и оно теперь каталось у неё в животе.

— Я не хочу, — сказала она тихо. — Я не хочу быть другой. Я хочу быть как сейчас. Я хочу спать на подушке. Я хочу ловить мышей. Я хочу... я хочу остаться здесь.

Свиток посмотрел на неё — золотым глазом, добрым глазом.

— *Я знаю,* — сказал он. — *Все так говорят сначала. Но потом... потом они понимают.*

— Что понимают?

— *Что дом — это не место,* — сказал свиток. — *Дом — это те, кто тебя ждёт. Дом — это те, кто тебя помнит. Дом — это те, кого помнишь ты. И где бы ты ни была — если ты помнишь, ты дома.*

Ми-Ми посмотрела на братьев.

Большой Мур стоял рядом. Он дрожал, но не убегал. Средний Мур стоял за ним. Он тоже дрожал, но тоже не убегал.

— Они меня помнят, — сказала Ми-Ми.

— *Помнят*, — согласился свиток.

— И я их помню.

— *Помнишь*.

— Значит, я дома.

— *Дома*, — сказал свиток. И в его голосе была улыбка.

Ми-Ми помолчала. Потом посмотрела на свои лапки. Пятнышки на них стали золотыми — тёплыми и яркими.

— А что будет, если я не сделаю три добра? — спросила она.

— *Тогда*, — сказал свиток, — *ты не вернёшься. Ты останешься там. В чужом времени. В чужом месте. Одна. Без братьев. Без подушки. Без чая.*

Ми-Ми вздрогнула.

— Но ты сказал, что дом — это те, кто помнит, — сказала она. — А если они меня помнят — я ведь не одна?

— *Не одна*, — согласился свиток. — *Но ты будешь далеко. А далеко — это далеко. Даже если помнят. Даже если любят. Даже если ждут.*

— Я не хочу далеко, — сказала Ми-Ми. — Я хочу близко.

— *Близко — это хорошо*, — сказал свиток. — *Но иногда нужно уйти далеко, чтобы понять, что близко — это са-*

мое важное. И тогда — когда поймёшь — ты вернёшься. И будешь ценить. И будешь беречь. И будешь помнить.

Ми-Ми посмотрела на него. Долго-долго. Потом сказала:
— А ты... ты тоже был далеко?

Свиток молчал. Так долго, что Ми-Ми подумала — он не ответит.

Но он ответил.

— Да, — сказал он. — *Я был далеко. Очень далеко. Я лежал здесь тысячу лет. Один. В пыли. В темноте. И я ждал.*

— Кого?

— Тебя, — сказал свиток. — *Я ждал тебя, Ми-Ми. Потому что только ты можешь прочитать то, что написано внутри. Только ты можешь открыть меня. Только ты можешь начать.*

— Начать что?

— Приключение, — сказал свиток. — *Самое большое приключение в твоей жизни. И, может быть, в жизни всех кошек Китая.*

Ми-Ми посмотрела на свиток. На его золотой глаз. На его чешуйчатый узор. На пыль, которая лежала на нём, как одеяло.

Потом она посмотрела на свои лапки. На пятнышки. На тёплое пятнышко на левой передней лапке.

— А если я не хочу? — спросила она тихо.

— Тогда, — сказал свиток, — *я буду ждать дальше. Ещё тысячу лет. Может быть, больше. Может быть, вечно.*

Потому что хранители не выбирают. Хранители — ждут. И когда приходит тот, кто нужен — они открываются.

Ми-Ми молчала.

Она думала. О подушке. О шёлке. О куриной лапке, которую она стащила вчера. О мышах, которых она прогнала. О братьях, которые дрожали, но не убежали. О луне за окном. О чае, который она никогда не пробовала — потому что кошкам нельзя чай, но она всё равно хотела.

Она думала о доме.

А потом она посмотрела на свиток — и сказала:

— Ладно.

— *Ладно?* — переспросил свиток.

— Ладно, — сказала Ми-Ми. — Я открою тебя. Я прочитаю. Я сделаю три добра. Я вернусь. И я буду помнить.

Свиток посмотрел на неё. И в его золотом глазу — Ми-Ми могла поклясться — блеснула слеза.

— *Спасибо,* — сказал он. — *Спасибо, Ми-Ми. Ты — настоящая хранительница. Даже если ты пока этого не знаешь.*

Ми-Ми улыбнулась. И потянулась лапкой к свитку.

— Подожди! — вдруг крикнул Большой Мур. — Ми-Ми! Не трогай! А вдруг...

— Что вдруг? — спросила Ми-Ми.

— А вдруг это опасно? Вдруг он... вдруг он кусается?

— Свитки не кусаются, — сказала Ми-Ми. — Свитки — это бумага. Бумага не живая. Ты сам говорил.

Большой Мур замолчал.

— *Она права,* — сказал свиток. — *Я не кусаюсь. Я — всего лишь свиток. Старый. Пыльный. Одинокий. Но я не кусаюсь.*

Ми-Ми посмотрела на братьев.

— Вы со мной? — спросила она.

Большой Мур сглотнул. Потом кивнул.

Средний Мур сглотнул. Потом кивнул.

— Мы с тобой, — сказали они вместе.

Ми-Ми улыбнулась. И коснулась лапкой свитка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.